

Литература

1. Аникин В.П. Фольклор как коллективное творчество народа. Москва, 1969.
2. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов. 2000.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
4. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М., 1999.
5. Виноградов Г.С. Народная педагогика. Иркутск, 1926.
6. Гершунский В.С. Менталитет и образование. М., 1997.
7. Измайлов. А Э. Народная педагогика. М., 1991.
8. Кон И.С. К проблеме национального характера. М., 1971.
9. Ширшов В.Д. Духовно-нравственное воспитание. М., 2011.

В. Д. Пузанов, г. Сургут

О ПРИНЦИПАХ РЕЛИГИОЗНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящее время наше государство находится в ситуации выбора, пытается найти некие культурные и социальные модели, которые могли бы решить серьезные проблемы, взаимодействия общества и религии, национальной политики, рыночных отношений.

Все последние 20 лет нам предлагались самые разнообразные примеры экономического, государственного устройства многих мировых государств. Но история России началась не в 1991 или 1917 г., в нашей стране имеется многовековой опыт государственного строительства, религиозной и национальной политики.

По словам П. Н. Буцинского, «к чести русского правительства нужно сказать, что распространяя свою власть на обширных пространствах этого края, оно никогда не забывало великой исторической задачи русского народа — распространения христианства между покоренными иноверцами» [Буцинский 1999: 201].

В 1620 г. возникла первая на востоке России Сибирская епархия. В грамоте Михаила Федоровича и патриарха Филарета воеводе Тобольска писали о сохранении православных христиан и тех, которые Бога не познали «в Его познание и славословие привести и совершая свою пресвятую заповедь, которую Бог Слово изрек своими святыми устами — да проповедают во всех концах вселенной его святые заповеди и да просветят все концы земли крещением... да будет избран в нашу отчину, в Сибирское царство пастырь и учитель, дабы Божие слово и апостольское учение проповедовалось по всем городам. Изволением Божиим и содействием Святого Духа избрали и святейший патриарх благословил в нашу отчину, в Сибирское царство, в первоимянитый град Тобольск архиепископа Киприана...»

Какими способами происходило распространение христианства? В литературе официального воинствующего атеизма имелось представление, что оно имело насильственный характер. Русские цари в грамотах о крещении народов Сибири отмечали, чтобы крестить только тех, которые «похотят креститься своею волею, а неволею их к тому не нудить». Крестившимся давалось государево жалование.

На востоке и в Сибири русская власть продолжала свою традиционную политику веротерпимости и сотрудничества с местными элитами. Те, кто хотел креститься, шли в города,

там их зачисляли в особую группу новокрещенов, предоставляя право службы царю. При этом не только не было насилия, наоборот не всех желающих крестили — о чем свидетельствуют документы Сибирского приказа.

В грамоте архиепископу Сибири государев наказ отмечал, что иноверцы имели право на защиту от воеводы на дворе архиепископа во всех винах, кроме государственной измены, если «похочет креститься». Архиепископ должен был писать об этом государю и отцу его св. патриарху «подлинно, кто от каковы вины прибежит, а до их государского указу не крестить» и не отдавать воеводам и их чиновникам. Михаил Федорович и патриарх Филарет такие дела решали лично. В результате желание креститься избавляло от наказания за большинство преступлений представителей местных народов.

Однако подобные планы «великих государей» не всегда принимались даже высшим духовенством. Второй после Киприана глава Сибирской епархии архиепископ Макарий высказал другое отношение к вопросу распространения христианства в грамоте государю, отмечая желание одного мусульманина креститься по внешним причинам, писал: «А в правилах де апостольских и отеческих писано — велено принимать во крещение вольных людей, чтоб ни от смерти, ни от беды, ни от напасти для того, что примет крещение и причащение, да опять заворовав обусурманится». Таким образом, для архиепископа Макария крещение в православную веру иноверцев Сибири было желаемым делом, но при этом только тогда, когда оно было добровольным и свободным, без малейшего подозрения на вынужденность этого любыми внешними обстоятельствами. Архиепископ не испугался при этом указать царю и патриарху, на то, что выше их повелений «правила апостольские и отеческие» [Буцинский 1999: 272].

Низшее духовенство Сибири в ряде случаев было более радикальным. В сентябре 1624 г. в Тобольск из Москвы с тобольским сыном боярским Богданом Аршинским была послана государева грамота, в которой разрешалось крестить желающих ясачных людей, «буде кто их ясачных людей похочет креститься своею волею и тех людей велети крестити добровольно и устроить их в твою государеву службу», вестая денежным и хлебным жалованием. Кроме того, разрешалось крестить и желающих женщин из народов Сибири, выдавая замуж за служилых людей.

12 октября 1624 г. из Кузнецкого острога били челом государю Михаилу Федоровичу служилый человек выходец из Литвы Федор Мосальский с товарищи и представительница юртовских татар Кузнецкого уезда «чтобы ты великий государь их пожаловал, велел крестить в православную христианскую веру» и приказал священнику острога Ивану Иванову совершить крещение. Воевода Кузнецкого острога Федор Голенищев Кутузов приказал священнику крестить желающих, однако поп Иван Иванов отказал представителю власти, заявив «И он поп меня холопа твоего не послушал, тех иноземцев не крестил, и сказал: у меня для литвы и татарам крещения нет» [РГАДА, Ф. 214, Ст. 10, Л. 6].

В результате в 1625 г. один из представителей литвы Кузнецкого острога ездил для крещения в Томск. Воевода жаловался на попа воеводе Тобольского разряда князю Трубецкому. 30 сентября 1626 г. из Тобольска в Кузнецкий острог попу Ивану Иванову была прислана грамота тобольского архиепископа Макария, который возглавлял Сибирскую епархию с требованием крестить желающих иноземцев литву и татар в православие. Однако поп Иван Иванов отказался брать грамоту архиепископа и не крестил представителей других народов. Воевода Кузнецкого острога дал новое указание крестить Федора Масальского и женщину, «и тот поп меня холопа твоего не послушал и архиепископовы грамоты, литвы не крестил». На этот раз священник Иван Иванов дал православную молитву хотящим креститься [РИБ Т. 8: 469].

2 мая 1627 г. Федор Голенищев Кутузов писал о крещении в Кузнецком остроге новому воеводе Тобольского разряда князю Андрею Хованскому. По его данным, в Кузнецком уезде жили молодые юртовские татары, которые хотели креститься в православную веру, знали русский язык, годились в военную службу в остроге, но «их крестить в Кузнецком остроге некому». Федор Мосальский с товарищи подали в 1627 г. новую челобитную о крещении. В итоге

вопрос о крещении в Кузнецком остроге был направлен Федором Голенищевым Кутузовым в Москву государю Михаилу Федоровичу. Государь повелел писать воеводам в Тобольск, чтобы они узнали у архиепископа Макария, знает ли он «про то попово непослушание?» А если знает, то архиепископ должен был наказать попа «он бы о том учинил указ по своему святительскому уложению». Иноземцев, «которые хотят креститься... велели их, по их челобитью крестить, и за крещение государево жалование велели дати, по государеву указу, как давано за крещенье иным таким же иноземцем».

Посольский приказ в конце XVI в. в ответе послу папы Антонио Поссевино дал характеристику религиозной политики Русского царства «... в Московском государстве много разных вер, и мы ни у кого воли не отнимаем, живут, кто как хочет...и своим обыкновением, и к русским людям не пристають, а кто бы и похотел пристати, того тому чинить не попускают». Немецкий историк Генрих Леттский писал, что «у русских князей существует обычай, когда они завоевывают какой-нибудь народ, — подчинять его не вере христианской, а сбору даней и денег». Адам Олеарий в 1630 г. секретарь голштинского посольства в Россию и Персию, несколько лет живший здесь и позднее написавший ценные записки о Русском государстве отмечал — «не слышно, чтобы русские насильно кого обращали в свою веру, напротив каждому они предоставляют свободу совести, хотя бы это были их подданные или рабы».

В целом, по характеристике Г.В. Вернадского, «Царь не вмешивался в религиозные верования татарских и калмыцких вассалов и подданных. Русским казалось естественным, что восточные народы должны унаследовать свою собственную веру — будь то ислам или буддизм» [Вернадский 1997: 12].

156 семей русской знати имели татарское происхождение. По московскому порядку XV — XVII вв. татарские цари и царевичи имели более высокое положение, чем русская знать, и обладали преимуществом в дворцовых церемониях, независимо от их религиозной принадлежности. В случае крещения они могли претендовать на престол царя всея Руси. В 1575 г. Симеон Бекбулатович был официально объявлен царем, а на выборах царя в 1598 г. стал одним из реальных претендентов на престол. Победил в этом году Борис Годунов, потомок мурзы Чета, приехавшего в Москву из Орды в XIV в. Послы царя Алексея Михайловича в Варшаве говорили «которые у великого государя подданные римской, лютерской, кальвинской, калмыцкой и других вер служат верно, тем никакой тесноты в вере не делается, за верную службу жалует их великий государь».

Учителя Православной Церкви проповедывали милость к представителям других религий. Святой Феодосий Печерский основатель Киево Печерской лавры, один из самых почитаемых православных учителей Древней Руси писал великому князю киевскому Изяславу Ярославичу внуку Владимира Святославича крестителя Руси в послании о вере латинской — «Милостыней же милуй всякого, не своей только веры, но и чужого. Когда видишь нагого или голодного, страждущего от зимней стужи или какой беды, будь он жидовин или сарацын, болгарин или еретик, латынин или язычник, — всякого, как можешь, помилуй и от беды избавь, и не останешься без Божьего воздаяния. Бог ведь и сам в этой жизни сохраняет и язычников, и христиан. Язычникам и иноверным в нынешнем веке дано попечение от Бога, в будущем же чужды они будут благого воздаяния. А мы, живущие в правой вере, и здесь пребываем Богом соблюдаемы, и в будущем веке будем спасаемы Господом нашим Иисусом Христом».

Ближайшими аналогами Российской империи являются империи континентального типа — Римская, ее наследница Византия, которая, кстати, и оказала глубочайшее влияние на Русское государство и общество, империя Габсбургов, Великих Моголов и Османская империя. Но и среди этих государств старая Россия занимает особое место. «Ни одно другое государство на земле не содержит такой мешанины и такого многообразия населяющих его жителей, русские и татары, немцы и монголы, финны и тунгусы проживают здесь в невероятном отдалении друг от друга и под различными небесами как сограждане одной державы, одного государства, спаянные друг с другом политическим устройством страны, но до крайних кон-

трастов различные и непохожие друг на друга по их физической природе, языку, религии, образу жизни и нравам», писал немецкий ученый Г. Шторх о России в конце XVIII в.

Традиции терпимости и сотрудничества по отношению к различным этносам, находившимся были в нашем государстве определяющими уже во время Древней Руси, которая состояла из нескольких десятков словенских, финских, балтийских и тюркских племен, признавших политическую власть Киева. Причем важным обстоятельством является то, что неславянские группы жили своей привычной жизнью под управлением собственной знати. Зависимость ограничивалась признанием верховной власти Рюриковичей и уплатой дани. На юге жили «черные клобуки» — тюркоязычные племена, бежавшие на Русь от половцев в середине XI в., которых русские князья поселили от Галицкого до Ростовского княжества. Численность этой группы только в Киевском княжестве составляла около 100 тысяч человек. Напомним, что всего в Киевской Руси жило по современным данным не более 5 млн. человек. Причем это не было какое-то угнетаемое меньшинство. Управлялись тюрки своей собственной знатью — князьями и «лепшими мужами», и как сообщают летописи, целые отряды тюрков со своей знатью жили в самом Киеве. В XII в. когда Киевская Русь разделилась на отдельные земли, тюрки представляли уже главную военную силу в Киевском княжестве. От их позиции часто зависело, какой из Рюриковичей займет Киевский престол и будет «великим князем» — формальным сюзереном всей Русской земли.

На территориях, присоединенных к Русскому государству, населению предоставлялась свобода совести. Так, в провинциях Прибалтики, вошедших в состав империи по Ништадскому миру 1721 г., жителям оставлялись права и привилегии, которые они имели при шведском правлении, по закону «в уступленных землях не имеет быть введено принуждение в совести, а напротив того Евангелическая вера, церкви и училища, и что к тому принадлежит, на том основании на котором при последнем Шведском правительстве были, оставлены и содержаны будут, с тем однако, чтобы в них и вера греческого вероисповедания впредь также свободно и без всякого помешательства могла быть отправляема». Православие было религией, покровительствуемой Русским государством, однако другие традиционные конфессии пользовались широкой терпимостью.

В дружине великого князя Киевского были представители самых разных этносов. Правящий класс Киевской Руси также не был моноэтническим, наряду с 2 основными группами славянами и варягами были также финны, балты, тюрки, немцы, греки, касоги. По выражению В.О. Ключевского, родословные русского боярина напоминают этнографический музей, «вся русская равнина со своими окраинами была представлена этим боярством... со всеми своими русскими, немецкими, греческими, литовскими, даже тюркскими и финскими элементами».

После отмены местничества в конце XVII в. была составлена родословная книга, куда занесли 930 главных фамилий московской знати — позднее названные столбовым дворянством. По подсчету В.О. Ключевского, там 33% фамилий великорусского происхождения, 24% — выходцев из Речи Посполитой, 25% — западноевропейского и 17% тюркского и восточного. Т. е. 2/3 семей московской знати имели нерусское происхождение [Ключевский 1988: 193]

Это явление вызвано особой формой строительства империи. В исторической науке было отмечено, что важнейшим принципом политики присоединения новых земель «было сотрудничество с нерусскими элитами». Местная элита либо напрямую кооптировалась в российское дворянство, либо признавались в качестве знати своих этносов. В состав дворянства империи были зачислены тюрки Поволжья в XVI в., украинская казачья старшина в XVII в., польская шляхта, грузинские дворяне, азербайджанские беки, немецкие бароны Прибалтики, шведские аристократы Финляндии в XVIII-XIX вв. При этом, например, власть столкнулась с неожиданными проблемами — после раздела Польши польская шляхта составила самую большую группу в наследственном русском дворянстве (64 % в 1816 г.), что было связано с особенностями польской социальной структуры, где дворянство составляло до 8% населения. Группам,

по разным причинам, не интегрированным в элиту империи, было оставлено их привилегированное положение в своих обществах — элитам кочевых народов, племен Сибири и т.п. При этом часть местного населения зачислялась в «служилые иноземцы» с предоставлением ряда привилегий, а часть только вносила ясак.

Американский историк А. Донелли считает главными особенностями имперской политики России опорой на местную знать и невмешательство во внутренние дела народов. Наиболее крупный современный исследователь Российской империи историк А. Каппелер отмечает также наряду с этим важную роль религиозной терпимости в политике царей и характеризует национальную и религиозную политику Русского государства как гибкую, прагматичную и толерантную, по отношению к нерусским народам империи, терпимую к иным религиозным верованиям. В Прибалтике, например, после ее завоевания русскими привилегии местной немецко-балтийской элиты даже расширились по сравнению с предшествующим шведским временем. Все управление осталось в руках рыцарства и городов, специально гарантировались права протестантизма. В результате во второй половине XVIII в. представители другой провинции Шведского королевства — Финляндии просили русских царей завоевать их и принять под свою власть. В 1809 г. Финляндия была присоединена к России и получила самую широкую автономию — свой парламент, суд, армию и таможи, стала иметь гораздо больше прав, чем при шведах [Каппелер 1997: 59].

По словам немецкого ученого XVIII в. Г. Шторха, царская Россия отличалась именно уважением к традициям разных своих групп: «Хотя существуют еще другие европейские страны, в которых проживает более, чем одна нация, и где еще поныне сохранились зримые следы бывшего различия между аборигенами и позднейшими пришельцами, но почти повсюду в этих странах господствующий народ как бы поглотил побежденных». А. Каппелер в результате пришел к выводу, что Россия XV — XVIII вв. была не централизованным, а «составным» государством, включая полунезависимые регионы с полным самоуправлением и собственным правителем (гетманство, ханство), области с широкой региональной автономией (Прибалтика) и локальным самоуправлением (Сибирь, Поволжье).

В 1849 г. Ю.Ф. Самарин, славянофил и молодой русский чиновник, недовольный властью немецкой аристократии в Прибалтике, выступил с проповедью введения русской народности в Остзейском крае. Ю.Ф. Самарин в качестве чиновника не имел права на подобные действия, кроме того в борьбе он распространял секретные данные и подлежал суду. Император Николай I вызвал Ю.Ф. Самарина к себе и заявил: «Вы, очевидно, возбуждали вражду немцев против русских, вы ссорили их, тогда как следует их сближать; вы укоряете целые сословия, которые служили верно... вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских... но мы этого не должны именно потому, что мы — христиане». Затем Государь сказал по поводу мысли Самарина о том, что если немцы не сделаются русскими, то русские сделаются немцами, «Русские не могут сделаться немцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь к себе немцев». После этого наставления император простил Ю.Ф. Самарина и отпустил его домой. Важно, что Николай I не был либеральным правителем, он подавил политические движения против монархии русских офицеров в 1825 г., поляков в 1831 г., вел активную внешнюю политику. Однако Государь верно выразил национальную политику Российской империи [Соловьев 1912: 664].

Великий русский философ Владимир Соловьев отмечал, что на востоке Европы образование государства произошло по соглашению семьи народов — славянских и финских племен, которые пригласили верховную власть варягов как третейского судью. Принятие христианства возвысило и усилило «значение того счастливого обстоятельства нашей исторической жизни, что уже в первом ее положительном проявлении... Россия действовала как согласная семья народов». Государство росло и больше становилось народов христианских и других исповеданий в этой семье. Новгород, Киев, Москва были столицами семей народов, которые затем стали основой великой империи [Соловьев 1913: 5].

Литература

1. Буцинский П.Н. Сочинения. Т. 2. Тюмень, 1999.
2. Вернадский Г.В. Московское царство. М. 1997. Т. 1.
3. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М. 1997.
4. Ключевский В.В. Курс русской истории. М. 1988. Т. 2.
5. Соловьев В.С. Памяти Императора Николая I. Собрание сочинений. Т. 6. Спб. 1912.
6. Соловьев В.С. Воскресные письма. Собрание сочинений. Спб., 1913. Т. 10.

Г. А. Рыбакова, г. Нижний Тагил

НА ПУТИ К ПОСТИЖЕНИЮ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА

Актуальной проблемой нашего времени является обращение педагогической мысли к духовно-нравственным традициям предшествующих поколений, без учёта которых нравственное воспитание подростков представляется весьма затруднительным.

Существенное значение в формировании и развитии духовно-нравственной культуры имеет знакомство с нравственным идеалом на примере жизни святых, в том числе и житиях уральских святых, в частности праведного Симеона Верхотурского. Показывая на примере жизни святых, что бескорыстие, любовь к людям — основа человеческих взаимоотношений, раскрывая на занятиях лучшие черты характера человека, мы воспитываем в учащих потребность делать добро людям, оценивать себя, свои поступки. Существенным моментом является и присоединение семьи через семейное чтение как средства нравственного воспитания подростков.

Интересной формой социально-культурной деятельности является занятие, посвященное постижению нравственного идеала. Основной целью этого занятия будет знакомство с основными понятиями и формирование нравственного идеала на примере жизни святых. В качестве задач предлагается раскрыть лучшие черты характера человека, воспитание потребности делать добро людям, оценивать себя, свои поступки, кроме того, важно показать на примере жизни святых, что бескорыстие, любовь к людям — основа человеческих взаимоотношений.

В ходе подготовки необходимо предложить обучающимся подумать о том, что такое нравственный идеал? Кто может служить его примером? Подготовить сообщения об известных святых. Провести беседы на родительском собрании по теме «Житийная литература в семейном чтении как средство нравственного воспитания подростков» [Рыбакова 2009: 395].

В качестве иллюстрации можно использовать репродукции икон с изображением святых, выставку книг с рассказами о святых, православный календарь.

Беседа, работа в группах, работа с иллюстративным материалом, мультимедийная презентация, викторина «Знаешь ли ты имена святых?», самостоятельная работа с источниками информации — основные виды деятельности на данном занятии. Наиболее уместная форма проведения — круглый стол для обучающихся (10 — 16 лет) с участием родителей.

В качестве присоединения могут служить строчки В.В. Шуклина:

То горы, то степи, речные потоки, —

Всё это — просторы родимой земли.

Для нас, для уральцев, не просто истоки,